

О второсортности

СТАРЕЙШИЙ англист в нашей юмористической журнале «Панч» посвятил один из своих номеров серьезной теме: как Англия привыкла к роли второсортной державы. Журнал красноречиво показывает выгоды второсортности:

«Н в одной другой области междунароной жизни преимущества неполноценности не влияют так существенно, как в политике и экономике. Стоит установить и признать, что Англия — государство второго разряда в больше не сопротивляется разложению из числа великих держав, как перед вами откроются блестящие перспективы».

Наши политики, экономисты и деятели станут отвечать своему назначению. Или станут хотя бы казаться, что они ему отвечают. Можно будет proudly отшутиться от какого-нибудь поспешия или речи, порождающих своей глупостью, на том основании, что так полагается и даже целесообразно во всяком второсортном деле».

— Вы читали вчерашнюю речь в парламенте старика Макмиллана (или Гейтскелла)? — спросит читатель «Лейб телеграф» в утробном утробе залова приоткрытого поезда. — Во все не так уж плохо для второразрядника».

— Великолепный образец посредственности! — парвет представитель власти лучших...

И «Панч» под особоб дубровкой напечатал яростноски совет, как вести себя англичанином на положении второсортной нации.

Что я говорю, такие несвоевременные шутки — знаменье времени. У меня на полке стоит юбилейный альбом, изданный «Панчем» два года назад по случаю своего столетия: в нем воспроизведены лучшие карикатуры, опубликованные в журнале в век его существования. Да, в свое

время «Панч» захлебывался от восторга перед величием Англии...

Впрочем, тем же второсортности — отнюдь не специально английская тема. Идея второсортности весьма распространена на западе капиталистического общества. В западные горы в Соединенных Штатах немало шума назвала остроумный сатирический роман В. Вудворда «Вадор» (русский перевод издан ГИЗом в 1927 году). Герой этого романа Майкл Уэбб публикует книгу, которая называется «Как важно быть второсортным».

В заглавие второсортности Майкл Уэбб выводит ряд характеристик доводов. Мир вступил в век господства посредственности. Второсортные люди лишены практического здравого смысла, второсортные люди лишены ни в полной мере. Новые идеи — пагубная штука; они не хороши до добра. Одной из заповедей всех здравомыслящих людей должно стать правило: «Будь осторожен, не делай опытов». К первосортным людям принадлежат, например, Христофор Колумб, который переплыл океан в погоне за химерой — но зря он был наказан судьбой и умер в нищете.

Герой Вудворда Майкл Уэбб задумал написать произведение юмористическое. Но, к удивлению Майкла Уэбба, его книгу приняли на родине как философский труд, а она принесла автору ошеломляющий успех. Вся Америка покрывала сетью «клубов второсортных». Одна из организаторов этого чисто американского движения, полкунского, как повар, по всей стране, лаявшая в газетном пинкелье: «Мы всем сердцем и душой участвуем в движении! Каждая наша мысль — второсортная! Мы живем в дышине во второсортной атмосфере».

А ведь и правда: очень много на капиталистическом Западе. Начиная от кабинетов министров, из политик и дипломатов и кончая людьми произведений литературы и искусства, всякоевропейское общество духом второсортности. Если определить второсортность по тем признакам, которые сообщает автор «Панча» и В. Вудворд, — она заключается в отказе от новых идей и экспериментов, в бегстве от чести и славы, в замене их узким здравым смыслом действительного мещанина и филантропа, в установлении на «золотую середину», на посредственность.

Бернард Шоу четверть века назад написал пьесу «На хвосте» об английской премьер-министре, который забывает остром мозговых остроумством, — все считали, что у него переутомление. Талантливый врач определил, однако, что он болен, наоборот, а нечеловеческой, наемного от безделья: ведь таблони, готовые представления, «испытанные» решения припадают к голому механическому, не затрагивая серого вещества. К врач уволит премьеру в санаторий, где тот в течение нескольких месяцев заново научат мозг в труду, читая Маркса, Энгельса и Ленина. Вернувшись на свой пост, премьер-министр ошарашивает кое-какие мелкие реформы типа тех умеренных новшеств, которые в разные периоды провели в Англии лейбористские правительства, но так и не может снять государственных корабль с мели. В финале пьесы премьер стоит у окна, смотрит на народную демонстрацию протеста и сокрушается: ведь придал же Карл Маркс выход из тупика и придушил его здесь, в Лондоне, так почему же у русских в Москве получается то, что никак не выходит в Лондоне?.. Так один из

крупнейших писателей нашего времени высказал современных политических деятелей Вавила, безуспешно пытающихся второсортными средствами поправить дела буржуазного государства.

В самом деле, далеко не случайно в наши дни на Западе капитализм не может выжить ни одного действительного крупного государственного деятеля, а те, кого он выдвигает, своими устаревшими концепциями и отжившими представлениями заранее обрекают собственную политику на бессилие и крах.

Но в литературе и искусстве дело обстоит сложнее, чем в политике. Писатель буржуазного мира часто представляет собой весьма противоречивое явление. Не всегда можно судить о книге на основании политических взглядов ее автора и так же трудно полагаться на громкие имена. Бывает, что писатель, придерживающийся в политике отнюдь не передовых взглядов, создает в силу своего таланта выдающийся труд, свершающий всеми красками живой жизни. Случается и так, что в творчестве по-настоящему крупного писателя появляются, наряду с произведениями большого языка, вещи явно второсортные, пропитанные коммерческим интересом писательских монополий.

Возьмем, к примеру, одного из самых известных писателей в США — Джона Стейнбека. Его перу принадлежат такие книги большого таланта, как «Гроздь гнева», «Жемчужина». Но являю с этим он вынужден по потребности рыночного спроса вполне второсортные романы в серии «Колесного ряда»; в них рисует в ровных, идеализических тонах жизнь американского «зна» — на этом странном «дне» копотище сентиментальными бродами и добродетельными проститутками, а в ночлежке и публичном доме царит христианская мораль. Но чуднее, что Голливуд с восторгом ваялся экранизацией такой пародии на жизнь.

Кли возьмем творчество извест-

ного английского писателя Сомерсета Моэма. За свою долгую жизнь он создал ряд произведений, явно рассчитанных только на коммерческий успех. К ним относятся некоторые его пьесы, как, например, знакомый нашему зрителю комедии «Вруги» и «Дети Фрейриха», написанные с бесспорным профессиональным мастерством, но пустые и бессодержательные. В то же время у Моэма есть такие интересные романы, как «Время страсти человеческой» или «Растущий флинт», защищающие яркую реалистическую картину английского общества, беспощадно вскрывающие его лицемерие и жалость.

Выбор произведений зарубежной литературы в наших издательствах и театрах все еще оставляет желать лучшего. Порой советский читатель или зритель получает вместо первосортного произведения — второсортное обидно, когда при этом забыты действительно талантливые вещи. Некоторые наши издатели предпочитают перепечатывать старые, давно известные переводные книги, а не выпускать новые — так ведь меньше хлопот. Это отменяется, в частности, на недавнем совещании в Гослитиздате, посвященном рассмотрению планов редакций классической и современной зарубежной литературы, мобилиовавших уже знакомых советскому читателю напечатываемых: такие планы скорее походили бы на гонимую, если бы такой существовал, чем на издательство, призванное непрерывно расширять представления советского читателя о мировой литературе.

В этой связи хочется подчеркнуть роль нашей критики. Мне кажется, что, сравнительно отрываясь от вульгарно-социологического метода, наша критика в поисках ложной художественности порой все же недостаточно глубоко вникает в классный смысл разбираемых произведений. Нередко товарищи критики механически по-

днеской критикой, применяемой к литературе советской, к литературе зарубежной.

Что стоит, например, столь часто высказываемые требования, чтобы то или иное произведение зарубежного автора, отображающее чуждые черты капиталистического общества, непременно дышало «оптимизмом». Задумывались ли те, кто высказывает такое требование, над элементарным вопросом: так ли уж неужем «оптимизм» в произведениях капиталистической действительности? Ведь, казалось бы, ясно, что оптимизм произведений, возмущающих эту действительность, заложен уже в силу духа самого автора.

Есть области, в которых перед нашей критикой открывается особенно широкое поле деятельности. Возьмем хотя бы театр.

Когда слушаешь речь руководителей театров столицы, пропавших в высшем уважении к дейным и художественным критикам, которые они назревают применять при составлении репертуарных планов. Но вот вы останавливаетесь перед своей общинской московских театров и находите в ней второсортную пьесу второсортных буржуазных драматургов Арду и Мора «Мадонна Сан-Жен», изобретущую под названием «История Лефевра», второсортную пьесу Денала «Мольба о жизни», второсортную пьесу Соважона «Почтой перепоза».

Зато вы не увидите на московских афишах таких первоклассных произведений современной драматургии, как «Добрый человек из Сезуана», «Мамаша Кураж и ее дети», «Господин Пуантла и его слуга Матти» Бертольда Брехта, как «Юнона и павлин» или «Плывающий становится красной» Шона О'Кейна, как последние пьесы Артура Миллера. Неслаженно обидены комедии Жана Жероу «Юридическая из Пабло», блуждающая

правды капиталистического общества, «Троический войны не будет», затравливающая злобную тему современности — тему войны и мира. Незнакомые московскому зрителю некоторые из лучших пьес Бернарда Шоу — «Цезарь и Клеопатра», «Гезекеи с абаками» и другие.

Мне кажется, что многое здесь прояснится, как это ни страшно, из-за воспоминаний детства. В гимназические годы того или иного учебного сезимала театральное общество собирала публичку «Мадонна Сан-Жен», поспешив, в дни его молодости, — «Мольба о жизни». Вот и решают: быстроноски поставим «Кассиусу» пьесу, а потом перейдем к серьезному, настоящему репертуару. Но «быстренькое» не получается, на постановку уходит добрая половина сезона. Ни премьеры у всех немного скрофенные лица и, в довершение всего публичка стала другой. Нет, не помогло даже то, что переводчик издался в старый текст несколько фраз из учебника грамматики, — публичка не дожидается на эти спектакли-реминисценции.

Пожалуй, претензия по поводу выбора зарубежных пьес следует отнести прежде всего к театрам Москвы. Гораздо более продвинутой репертуарной политикой придерживаются сейчас в этом отношении театры Ленинграда, где театр имени Ленинского комсомола первым в стране показал «Саденских коллунгов» Артура Миллера, Академический театр имени Пушкина работает над постановкой «Смерти коммивояжера» того же автора, а режиссер Г. Товстоногов принадлежит честь блестящей постановки на сцене Большого драматического театра имени Горького острой социальной пьесы итальянского драматурга (Омоченко на 4.4 стр.)